По прибытии нас ожидал весьма формальный инструктаж. Быстрый и информативный, без вопросов о нашем понимании всего того, что нам сообщили. Требовалось безусловное подчинение, при нарушении которого вперед продвигались наказания. Не телесные, но завязанные на психологическом аспекте: тот, кто лучше-получает лучшее, кто нарушает правила или не следует приказам – получает выговор и разнообразные лишения. Система воспитания детей-воинов с определенным укладом, что оставляет весомый след на подкорке головного мозга.

Несмотря на это, частичное понимание происходящего у меня имеется. Никому не нужны не столько неспособные воины, сколько неверные. Вера, фанатичное представление и прочее превозношение со временем стало отождествляться с привычными вещами, воспринималась как норма, ибо каждый прием пищи другие наемники и орденцы хвалили свою жизнь, говорили о правильности этого пути. То воодушевление подкупало и опутывало критическое мышление, оставляя лишь “верные” варианты выбора жизненного пути.

Как бы странно не звучала мысль, что сейчас продекларирую, но она реальна и, что смешно, действительно хороша. Те пытки, что обещались мне за те слова, брошенные в порыве гнева из-за беспомощности, были тем спасительным уступом для моего разума. Абсолютно каждый из детей на протяжении нескольких месяцев, что мы провели здесь, ежедневно подвергался жесткой тренировке, где в нас вбивались принципы передвижения. Да-да, простого передвижения, с утяжелителями и без, и все это происходило абсолютно механически.

И это не было странным, что все рассказы о лучшем будущем от наших наставников, что проводили тренировки, были воспринимаемы как незыблемый факт. После тяжелейшего напряжения мыслить не получалось вовсе, единственной идеей, что преследовала нас- это пропитание; обычная еда, что давала сил и успокаивала сильнейший голод, что вызывался не столько нашими марафонами, сколько жидкостью, которую нам спаивали. Ответив на вопрос о том, что эта за напиток, простым подергиванием плеч и заверением о безопасности и целебности данной микстуры, они продолжали выдавать ее нам для постоянного ежедневного применения. И пусть привкус этого вещества был отвратительный, но сам эффект вполне хорошо показывал себя на практике. На следующие дни после наших тренировок вся безмерная тяжесть, что скапливалась в организме на протяжении дня пропадала, оставляя лишь легкую усталость.

Мы были не единственными, кто приехал на этот милый курорт. Кроме наставников, в этой механической жизни мы встречались с другими группами болванчиков, в глазах которых было желание остановиться на месте и передохнуть, что не поддерживалось режимом. Были, конечно же индивиды, что держались на силе воли или собственных возможностях, психологически не скатываясь туда, где обитало большинство детей, в том числе и я.

Я не могу похвастаться непомерной силой воли или возможностями своего тела, чтобы переносить весь тот прессинг, что проецировалась на всех нас, что формировала нас. Лишь излишняя гордость, не помогающая и даже ухудшающая мое положение, сопровождала мои тренировки

Как я указывал ранее, тем спасительным элементом, что помог мне удержаться, были пытки Риверы, той “старухи”, что скрашивала мое существование своими подколками и

прикладными, в виде ужесточенных упражнений, издевательствами. Моя гордость стала своеобразным краеугольным камнем, что одновременно и не давала сдаться под действием изощренных психологических диверсий Риверы, и погружала меня все больше и активнее в тот великий по размерам водоем, что назывался контролем. Не самоконтролем, замечу.

Лишь Ривера поддерживала тот невероятный массив мыслей, образов и желаний от падения на эту безмерно чистую водную гладь, скрывающую в глубине странный и опасный, обезличивающий омут. Те пререкания и пикировки, что, иногда, веселили ее или, чаще всего выходили мне боком придавали более жизнерадостный тон моему существованию. Тренировки не угнетали и отвлекали от того информационного потока про важность и величие всего ордена. Скорее всего, Ривера сама понимала, что таким образом помогает мне, но не выставляла это напоказ, иногда шутя на эту тему.

Детей было много, порядка ста восьмидесяти, что несомненно повлекло деления на группы. Это произошло без моей причастности, занятия с Риверой начались лишь через месяц после прибытия, как она говорила: “Чтобы ты не загнулся раньше времени от моих развлечений, я дала тебе время на акклимационный период”. Поэтому те дети, что выделялись среди всех стали во главе нескольких групп, совместно с несколькими сторонниками, что отличались от нас- серой массы.

В целом, я выделил лишь нескольких, что были экстраординарными, и лишь пара, что были гениальными. Мальчик и девчонка. Лишь внешность и базирующие навыки, без имен, без контактов. Почему так? Они привлекли меня своим желанием, что выплескивалось в их движениях, поведении и общении с другими. Два друга, что нашли себя в лидерстве над остальными: невероятно выносливая девчушка, что радостно общалась лишь с одним мальчишкой, что был вторым, изрядно выделяющимся на фоне других за счет невероятного ума и воли, что были видны в его устных размышлениях и действиях, отточенных и профессиональных- невероятный интеллектуальный контроль физического “я”. Этим он и выделялся, привлекая множество других, что не были как все, но и не скатывались в серость, своеобразный средний класс.

Конечно большинство размышлений не были моими собственными, т.к. Ривера, либо к сожалению, либо к счастью не была генератором смешных для нее идей и иногда проводила со мной интересные беседы. Вот там я и частично дополнил тот необычный образ, что я при первом взгляде списал на силу воли, что было не до конца верным.

Мою же личность также не обошли вниманием. В большинстве своем старшие наставники, что как жили в данном храме, так и проезжали мимо, интересовались мной только из-за моего куратора. На каждый вопрос обо мне или небольшую подколку в свою сторону Ривера отвечала разными фразами, что несли одну суть- целевое воспитание, наказание и тому подобное, что, несмотря на этот факт, не было признанным мной верным полностью. Может я подвергся некой вариации Стокгольмского синдрома, но, вопреки этому, я вижу, что при нашем общении она расцветает, перестает погружаться в свои самозабвенные воспоминания и мысли, что навевают тревогу и грусть, отражающиеся на ее лице.

***

Не так давно Ривера решила поддержать мое самолюбие, когда я рассказал ей свою мысль о классовости разделения детей.

-Кто бы что ни говорил, Эйн, учитывая твою подготовку и отбросив первоначальные симптомы из-за осложнений при голодании …, что даже сейчас, спустя несколько месяцев не исчезли полностью и скорее всего в дальнейшем так и не пропадут, я бы записала тебя в средний класс. Хотя~… твою твердолобость я бы записала в гениальный, хи-хи! – сказала она мне при окончании недавней тренировки, когда, сидя на близстоящем валуне, она рассматривала заходящее солнце, а я, в свою очередь, пытался отдышаться от происходивших не так давно мучений, валяясь в пыли у ее невероятно красивых сапог.

-Эй…ха… не… приписывай мне…ха… своих проблем…- еле выдавил я из себя.

-Да-да, что ни говори, а в этом мы похожи, хи-хи~. - не знаю, либо красота природы, либо невероятно теплое отношение ко мне или моя слабость в тот момент давили на меня, но тогда я восхитился представшей мне картиной; где фигурировал человек, что прошел через много битв, судя по обилию шрамов на теле, и не потерял своей сути, что не перестал видеть прекрасное, но приобрел привычку саркастично отзываться об окружении и своем существовании, пряча за этим свои переживания.

В этом она была права, мы и вправду чем-то похожи. Также, как и она, я жду подвоха, что низвергнет меня в трагическую поэму и я со словами “ это было известно уже давным-давно” спокойно опущу руки, как и она, я прячу свои страхи за шутливым поведением и язвительностью. Надуманно? Возможно, но никто не запрещает верить в собственные выводы. Может быть моя цель и хороша, даже идеалистична, но я не способен выполнить данное мне задание, чтобы исполнить ее. Пусть мой внутренний потенциал и существует, но раскрыть его единолично невозможно - не мне. Где же мой великий мастер, как в фильме по боевому искусству, что способен прорастить зерно силы в своем ученике, помочь выковать железную волю и направить на правильный путь?

Предо мной сидела она, мой возможный учитель, наставник, что помогла бы мне преодолеть те сомнения, что отравляют мой разум. В тот момент, эти мысли не были столь важны, думы, что не покидали меня в течение многих совместных тренировок, оказались разбиты о простое и действительно приятное сравнение, что слетело с ее уст. Тот вид, что предстал мне, чем-то затронул меня, запечатлевшись невероятно точно в моей памяти и давая ощущение спокойствия при нереальности и странности всей ситуации, что не прекратила давить на меня с того самого момента в комнате, постепенно изобличая не перестающий расти страх, пустивший корни глубоко внутри меня.

Доверие, что было рождено в тот момент, не было чем-то обоснованным, лишь попытка схватиться за руку, что, возможно, и не предлагала спасение. Я поверил, но несмотря на это, где-то глубоко, как пес ада, во множестве крепких цепей, что ограждали его от меня, сидело опасение, тот самый страх, старавшийся докричаться до моего сознания, что, в тот момент, было заполненного мыслями о более удачном будущем авантюры, свалившейся на меня в день моей предполагаемой смерти.

-Хаа… знаешь, а я ведь не спросил: “Правильно ли я произношу твое имя?” Вдруг я из-за незнания оскорбил тебя? – спросил я неторопливо, после того, как отдышался и прижался к холодному камню, на котором сидел мой надзиратель, наблюдая за закатом.

-Хе-хе, неожиданно ты начал волноваться. Неужели задумал невероятную махинацию, что сопоставима с “невероятной” гениальностью, струящейся у тебя в желудке? – не поворачивая головы, поинтересовалась она, добавив в свою импровизацию ехидного оттенка.

-Нет, как же так! Нужно же мне соответствовать тому образу, что возник при сравнении с тобой! Величие и манеры, что, несомненно, сильно въелись в твою суть, никак не могут быть равны шутовскому поведению, а поэтому и извинения мои не заставили себя так долго ждать, пять месяцев - это пшик, не более! – в преувеличенно важной манере я ответил на ее острый словесный укол. Подсобив своей экспрессии яростным ударом кулака о землю и продолжив наблюдать за текущей в сотне метров от меня рекой, я стал жать ответа.

Для меня эти минуты не стали невыносимым бременем. Скорее, за тот временной промежуток я мысленно укрепил свое отношение к той, что сейчас раздумывала над ответом для бесполезного для дела, но такого важного для небольшой частички доверия вопроса. Спокойствие, в котором я пребывал, не было напускным или ложным, оно показывало не столько мою готовность к разнообразным колкостям и шутливым переходам с назойливой темы, сколько часть того доверия, что проросло подобно древу, питаясь моими надеждами и переживаниями.

-Даа, скорее всего… - протянула она эти несколько слов. Задумчивость, что струилась в ее ответе приобрела вид легких постукиваний пальцев по каменной поверхности. – Точность произношения, правильность … - это не ко мне. Я и сама толком не знаю правильной формы моего имени. Каждый раз кто-то произносит его по-разному. Кому как удобно, наверное. Если же выбирать из всех возможных граней одну, тогда… Да, то как ты произносишь мое имя почти похоже на то, как его представляю я. Ривера… Ты почти был близок, хе-хе! Для меня оно более мягкое. Нужно наслаждаться своим именем, чтобы, когда ты его произносил, оно услаждало слух. Ривьера… Согласись же, так намного лучше.

-Да, так, безусловно, более впечатляюще. Спасибо. – искренне ответил я, повернув голову к своей собеседнице. От меня не скрылась теплая, согревающая улыбка, что возникла у нее после моих слов. Выражение лица не отягощалось темными мыслями или едкими фразами, а было расслабленным, спокойным. И слова, что я услышал в ответ, были весьма простыми, но не потерявшими свою эмоциональную значимость.

-Не за что.

***

Разговоры. Общение с другими детьми редко когда оглядывалось в мою сторону. Меня избегали. Некоторые неосознанно, держась за лидера группы, более разумные, скорее, опасались взглядов, что иногда бросала на интересующихся Ривьера, напрочь отбивая желания в знакомстве.

Разговоры не были запрещены вовсе. Нет, они поддерживались, некоторые даже контролировались, но не прямо, чаще всего незаметно, при помощи оговорок или замечаний со стороны старшего поколения. Общались между собой не все, лишь те, что были способны на конструктивный диалог, те, кто обращал внимание на окружение, отвлекаясь от интересных историй кураторов и питательной пищи. Таких было немного, и, опять же, они все собирались вокруг двух уникумов.

Как я уже говорил, внешность была одной из баз, что выделяла лидеров. Лицевые черты и поведение были важным элементом их идеальных образов. Белое пятно, что выделяется среди темных тонов, всегда привлечет внимание, вызвав долю интереса.

Мои тренировки, или, даже можно сказать, “самоубийственное шоу” не было исключительным. Да-да, и мы имели конкурентов на поприще развлекательных программ. После двух месяцев с момента приезда нас стали сортировать и отбирать разные наставники. Идеальных кандидатов определили к невероятно хорошим, в этом месте, наставникам, оставшихся из среднячков- более-менее растащили кураторы рангом пониже. Мне повезло…, отчасти. Остальная черная масса не прекратила быть ведомой, так и оставшись с нашим первоначальным “пастухом”.

После многих моментов, что ставили меня в непростое положение физически, что забирали все примеси и жидкости моего организма, что выматывали умственно, я заинтересовался, в практических, конечно же, целях, тренировками идеальных кандидатов в воины ордена. Несмотря на деление по отрядам и разных мастеров, мы продолжали ежедневно встречаться на продолжительной утренней “разминке” и при приемах пищи. Мое сравнение своего состояния с их великолепным, после всех тренировок, видом не было идеальным, но весьма раздражающим.

Что бы я ни говорил, но для меня прежнего, такие нагрузки, что я испытывал во время обучения, были весьма велики. Лишь та невероятная микстура спасала положение, что иногда становилось невероятно критичным из-за требований Ривьеры.

Месяц с нашего памятного разговора, и шесть - с начала моей экзекуции. Полгода… Я говорил об основах? Именно, основы движения, без боевых навыков, без интеллектуальных, только улучшение выносливости и координации. Это, с определенной точки зрения, невероятно! Некоторые спросят: “Кому какая разница как ты ходишь?” И я бы был согласен с ними… полгода назад. Сейчас я стал более аккуратен, с выверенными движениями исчезла неуклюжесть, что постоянно сопровождает ребенка. Да и как я понял из рассказов Ривьеры: движения в разнообразных боевых стилях весьма критично влияют на весь бой.

Как она говорила, это не было чем-то невероятно тяжелым, лишь ускоренным. Мои тренировки не были необыкновенными; осложненными - определенно. Уникумы же доводили себя до невероятного состояния, делая в несколько раз больше, чем я совершал за пару дней. И со словами Рив, что прозвучали тогда, когда мы невольно стали наблюдателями той тренировки, я был согласен абсолютно.

-Не важно сколько требуется от тебя в тот момент, когда ты идешь путем собственного улучшения. Всегда есть уникумы, что банально оставляют тебя позади, несмотря на твои

старания. Но это не пресловутое везение. Просто, когда ты увидишь гения, что вполне оправданно надменен, представь его попытки довести себя до предела, чтобы увеличить банальную возможность сделать еще один лишний удар или шаг. Их предел заведомо оттянут и преодолеть его возможно лишь таким способом. – высказала она и на последнем слове кивнула в сторону девушки, что почиталась среди своих сверстников, что, в тот момент, стирала ноги в кровь пытаясь преодолеть последние элементы препятствий. Учитывая физические импульсы, что посылались ее наставником, это было похоже на картину рабского, каторжного труда, что исполняла маленькая девочка, растерявшая всю свою жизнерадостность, что она излучала при общении с детьми на перерывах.

Передвижения по простой земле, в песках, в глубокой воде, в мелких речушках, в лесу и с перепадами высоты. Движение на определенной высоте при сохранении баланса, по длинным бревнам, вбитым глубоко в землю. Психологические страхи, иррациональная боязнь, трепет от неприятной картины- нас вынуждали преодолевать эти препятствия, выбивая все комплексы, что присутствовали в наших личностях. Передвижение при активном сопротивлении в виде движущихся препятствий, разнообразные опасности в виде живности и т.д. Таковы были мои тренировки, что несущественно отличались в качестве от остальных детей.Только в количестве...

В чем же мы существенно были одинаковы, так это в том, что мы спали. Ха-ха, да … отдых был нужен всем. Еще изначально нас поселили всех со всеми. Без различий по полу, без индивидуальных пожеланий, предоставив одноместную кровать и небольшой личный шкафчик, не более. Разнообразные сказочные истории или мрачные рассказы от других детей всегда сопровождали начало моего великого похода в сонные пространства, что были населены невиданными монстрами и чудовищами, иногда фигурировавшими в этих же сказках.

Но сегодняшняя ночь отличалась от остальных…

http://tl.rulate.ru/book/22258/543747